

«Чужие» национализмы и «свои» ксенофобии вчера и сегодня россиян

В истоке российского, русского «национализма» — не враждебность других стран и вызывающее поведение «приезжих», а сугубо внутренние причины | **БОРИС ДУБИН**

Цель настоящих заметок — по возможности прояснить содержание массовых представлений, оценок и чувств российских граждан, которые обычно получают со стороны политиков и журналистов общую квалификацию «националистических», уточнить степень и масштаб их выраженности, направления динамики, если таковая имеется. Эмпирической основой моих наблюдений будут данные репрезентативных социологических опросов взрослого населения России, проводимых Левада-Центром¹.

Сразу отмечу, что для большинства россиян слово «национализм» окрашено негативно, 38 проц. воспринимают его нейтрально и лишь 8 проц. положительно². Приверженность националистической (национал-патриотической) идеологии выражает в последние годы явное меньшинство российского населения: в 2013 году это 9 проц. опрошенных, — ровно столько же, сколько сторонников либерализма (при 34 проц. тех, кто причисляет себя к социалистам и социал-демократам, 17 проц. сторонников жесткой авторитарной власти, 16 проц. коммунистов и т. д.). Невелика и доля тех,

кто считает наиболее важной в сегодняшней стране проблему национальных отношений, их ухудшение, рост национализма (в феврале 2014-го таковых было 10 проц.), — социально-экономические проблемы (рост цен, резкое социальное расслоение, бедность), слабость и коррумпированность власти, кризис морали ощущаются нашими соотечественниками намного острее. Необходимость ясной и последовательной «национальной политики в защиту русских» также не относится к числу коллективных приоритетов; многократно более существенным россияне признают обеспечение социальной справедливости и равенство всех граждан перед законом. И даже идея государственно-национальной исключительности и превосходства — представление о пресловутом «особом пути» России — заметно упала в значимости³.

Та же тенденция видна при другой формулировке вопроса и по-иному сформулированных альтернативных «подсказках»:

И все же никак нельзя считать, будто озабоченность растущим в стране «национализмом», которую разделяют политики, журналисты, эксперты, условно говоря, либе-

Таблица 1

ПО КАКОМУ ИСТОРИЧЕСКОМУ ПУТИ ДОЛЖНА ИДТИ РОССИЯ?			
	2000 г.	2008 г.	2013 г.
По общему для современного мира пути европейской цивилизации	15	21	31
Вернуться на путь, которым двигался Советский Союз	18	14	22
Идти по своему собственному, особому пути	60	58	37
Затруднились ответить	7	7	10

N=1600

рально-демократического крыла, не имеет под собой оснований или что она явно преувеличена. На первый взгляд, тут можно увидеть парадокс. Тем нужнее соответствующие феномены прояснить.

Развивая и уточняя предыдущие работы по теме, я бы отличал номенклатурно-бюрократическую риторику и символику русского национализма, охотно тиражируемую официальными и официозными медиа⁴, от национал-патриотических лозунгов и символов отдельных и в целом весьма немногочисленных ангажированных и сформированных групп (движений, течений, партий)⁵ и, наконец, от настроений и проявлений по преимуществу этнической неприязни и нетерпимости со стороны массы и отдельных

социальных (часто – молодежных) групп и группировок российского населения⁶. Эти явления сходны по содержанию (в их основе – неприятие на этнонациональной основе, этнонационализм), но различаются по социальным носителям и масштабам распространности.

Другая их составляющая – государственно-национальная (ностальгически-державная или ностальгически-имперская). Отрицательное отношение значительной и даже большей в те или иные годы части россиян, например, к США, Грузии или странам Балтии не имеет в виду этнической принадлежности их граждан (эстонцев, грузин, тем более – американцев). Она относится к целостным образам названных государств,

Таблица 2

ГОСУДАРСТВОМ КАКОГО ТИПА ВЫ ХОТЕЛИ БЫ ВИДЕТЬ РОССИЮ В БУДУЩЕМ?			
	1999 г.	2008 г.	2013 г.
Социалистическим государством типа СССР	15	17	24
Государством, подобным странам Запада, с демократическим устройством и рыночной экономикой	35	32	33
Государством с совершенно особым устройством и своим путем развития	45	39	33
Затруднились ответить	6	11	10

N=1600

хотя в плане опасности эти страны могут рассматриваться респондентами как угроза не только для России, но именно для русских («русской культуры», «русских традиций», «наших национальных особенностей»).

Перемены за двухтысячные годы можно отметить во всех перечисленных планах, но меняется при этом разное и по-разному; разнятся, понятно, и масштабы явлений. В дальнейшем я буду говорить только о массовых феноменах, рассматривая их этнонациональную и государственно-национальную составляющие; последнее разделение носит исключительно аналитический характер: сами носители и выразители подобных склонностей и мнений достаточно часто их некритически сочетают, легко переходя от одних к другим или подставляя одни на место других (что отмечает в своей статье Марлен Ларюэль; см. с. 54–72 этого номера *Pro et Contra*).

Среди этих массовых феноменов я бы выделил, и тоже в аналитическом порядке, два типа оценок и ожиданий, которые выражают в социологических опросах массовые респонденты. Это опасения взрыва националистических чувств, включая кровопролитные действия «извне», со стороны тех или иных групп российского населения и неприятие разнообразия, самостоятельности, инаковости «других» — лиц, групп или даже стран и регионов («Запад»), чьи проявления квалифици-

руются «изнутри» как национализм либо экспансионизм, угроза России, русским или социальному порядку в целом. Иными словами, национализм (национальная независимость, солидарность, действия по их поддержанию и защите) при этом понимается респондентами, с одной стороны, как характеристики и акции неких «других», проявления их образа жизни и мысли, непонятных и неблизких, а с другой — как угроза «нам», «своим», нашему привычному укладу и обиходу. Связь между двумя этими смысловыми планами для самих респондентов выглядит как реактивная и негативная, по принципу от противного: «их» национализм, как считает большинство опрошенных, вызывает и разжигает, условно говоря, «наш».

«Другие» как угроза

За 2000-е годы межнациональная напряженность в стране стала ощущаться ее жителями острее (хотя, как сказано выше, не является для россиян самой главной в списке сегодняшних проблем страны).

При этом выросла, по свидетельствам респондентов, и направленная на них враждебность со стороны людей других национальностей («часто» ощущали ее 10 проц. в 2002-м и 17 проц. — в 2013-м), и их собственные враждебные чувства по отношению к людям другой национальной принадлежности («часто» испытывали их 12 проц. в 2002-м году и 20 проц. — в 2013-м).

Таблица 3

ОЩУЩАЕТСЯ ЛИ СЕЙЧАС В ТОМ ГОРОДЕ, РАЙОНЕ, ГДЕ ВЫ ЖИВЕТЕ, МЕЖНАЦИОНАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ?			
	2005 г.	2008 г.	2013 г.
Определенно да	5	7	10
Скорее, да	21	20	33
Скорее, нет	44	41	39
Определенно нет	26	24	13
Затруднились ответить	4	8	5

N=1600

Таблица 4

ВОЗМОЖНЫ ЛИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ В РОССИИ МАССОВЫЕ КРОВОПРОЛИТНЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ НА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЧВЕ?			
	2002 г.	2008 г.	2013 г.
Определенно да	12	10	17
Скорее, да	37	29	45
Скорее, нет	30	32	24
Определенно нет	12	18	5
Затруднились ответить	10	10	9

N=1600

Эта нарастающая напряженность проявлялась, среди прочего, в актах массового насилия, год за годом отмечавшихся в России на протяжении последнего десятилетия: от волнений и столкновений на московских рынках в Ясенево и Царицыно в 2001 году до погрома в Бирюлево в 2013-м. Дело вовсе не ограничивается Москвой: вспомним в этой связи Красноармейск (2002), Нальчик (2003), Новосибирскую и Астраханскую области (2005), Кондопогу (2006), Ставрополь (2007), Сагру (2011), Пугачев (2013) и др. Растущая конфликтность осознается населением и как все большая возможность массового кровопролития на национальной почве.

Как видим, допускают сейчас возможность подобных столкновений в стране свыше трех

пятых взрослого населения (твердо отрицают такую возможность лишь 5 процентов). Однако при этом оценка возможности такого течения событий в том месте, где респондент живет, существенно ниже и на протяжении последнего десятилетия менялась незначительно. Пирамида оценок перевернута: считали и считают их возможными в своем городе или местности порядка четверти опрошенных, тогда как невозможными — около двух третей. Я бы предложил понимать это так, что источником распространенного в нынешних массах чувства небезопасности выступает не собственный опыт респондента или близких к нему групп и слоев (друзья, соседи, жители одного района, города), а анонимное воздействие централизованных массовых коммуникаций.

Таблица 5

КАКИЕ ЧУВСТВА ВЫ ЛИЧНО ИСПЫТЫВАЕТЕ ПО ОТНОШЕНИЮ К ПРИЕЗЖИМ С СЕВЕРНОГО КАВКАЗА, ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ И ДРУГИХ ЮЖНЫХ СТРАН, ПРОЖИВАЮЩИМ В ВАШЕМ ГОРОДЕ, РАЙОНЕ? (МОЖНО БЫЛО ВЫБРАТЬ НЕСКОЛЬКО ПОЗИЦИЙ)			
	2005 г.	2010 г.	2013 г.
Уважение	2	5	3
Симпатию	3	4	3
Раздражение	20	14	25
Неприязнь	21	15	30
Страх	2	6	6
Сумму негативных чувств	43	35	61
Никаких особых чувств	50	57	39
Затруднились ответить	2	4	2

N=1600

Таблица 6

СЛЕДУЕТ ЛИ ОГРАНИЧИТЬ ПРОЖИВАНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ ЛЮДЕЙ СЛЕДУЮЩИХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ?			
	2004 г.	2009 г.	2013 г.
Вьетнамцев	39	24	32
Евреев	15	6	8
Выходцев с Кавказа	44	38	54
Китайцев	39	34	45
Выходцев из прежних республик Средней Азии	31	20	45
Украинцев	8	7	5
Цыган	32	22	32
всех, кроме русских	14	16	14
Нет, не следует вводить ограничения на проживание людей каких бы то ни было национальностей	21	19	11
Затруднились ответить	5	14	8

Этническая неприязнь как ответ

Этнофобия в современной России проявляется на массовом уровне преимущественно в формах мигрантофобии, и она за последние несколько лет резко выросла.

Отрицательные чувства, как видим, многократно перевешивают положительные. То же касается массовых оценок пользы и вреда иммиграции. Сравним их позитив и негатив по нескольким параметрам: с тем, что «иммигранты увеличивают преступность», были согласны 71 проц. опрошенных в 2012-м (не согласны 8 проц.), что они «отбирают рабочие места у россиян», соответственно, 67 и 12 проц., «разрушают российскую культуру» 46 и 19 процентов. Напротив, с тем, что иммигранты «способствуют развитию российской экономики», согласились 24 проц. (не согласились 43 проц.), что они «приносят новые идеи и культуру» и «этим «обогащают российское общество» — соответственно, 19 и 46 процентов⁷. Среди качеств, которые, по мнению россиян, чаще всего присущи иммигрантам, в 2013 году прежде всего назывались «незнание русского языка» (отмечено 53 проц. опрошенных), «низкая квалификация» (42 проц.), «неопрятный, отталкиваю-

щий внешний вид» (35 проц.), «демонстрация, навязывание своей культуры и обычаев» (28 процентов).

Шестьдесят девять процентов опрошенных в 2013 году признали, что в их городе, регионе слишком много мигрантов (не согласились с ними 26 процентов). Свыше трех четвертей опрошенных (78 проц.) выступают за то, чтобы правительственными мерами ограничить поток приезжих. Примерно столько же (73 проц.) — за то, чтобы выдворять нелегальных иммигрантов за пределы России. Особенно пристрастны россияне в этом плане к выходцам с Кавказа, из прежних республик Средней Азии, китайцам. Не менее важно отметить, что доля россиян, толерантных в этом отношении, и без того не слишком большая, за 10 лет сократилась еще вдвое.

Антимигрантские настроения и действия — ксенофобия и, прежде всего, кавказофобия — более характерны для населения крупных городов, но особенно они распространены в Москве (и значительно, хотя в меньшей мере, в Санкт-Петербурге). Так «наплыв приезжих, мигрантов» — первая по значимости проблема, тревожащая сегодня

москвичей и острота ее в массовом сознании за последние годы резко выросла (55 проц. в сравнении с 30 проц. в 2010-м) ⁸.

Русский «национализм» как реакция большинства на поведение меньшинств ⁹

Большинство россиян считают сегодня основной причиной растущего русского национализма поведение национальных меньшинств в России, прежде всего приезжих. Иначе, с их точки зрения, выглядела ситуация в первой половине 2000-х.

Напомню, что демонстрацию и навязывание своих обычаев россияне относили к ведущим чертам, которые в их глазах присущи «приезжим». Между тем интерес, любопытство или хотя бы терпимость к иным, непохожим, вопреки принятым клише о «всезотзывчивости русской души» и гостеприимстве россиян, никак не отнесешь сегодня к массовому обиходу наших соотечественников. На заданный Левада-Центром в феврале 2014-м году вопрос, «что более важно для России в наши дни: обеспечить большее уважение к традиционным ценностям или обеспечить большую терпимость к людям с нетрадиционным для большинства образом жизни, иного происхождения и с иными обычаями?», — 76 проц. поддержали первую

позицию и лишь 15 проц. — вторую (9 проц. затруднились с ответом).

В этом плане можно говорить, что русский «национализм» — это в решающей степени неприязнь к непохожести и разнообразию, гетерофобия. Кроме того, он трактуется большинством россиян как реактивный, ответный — отклик на национальные проявления этнических нерусских, составляющих явное меньшинство. И, наконец, этот национализм не относится к свойствам самого респондента, его близких, земляков и т. п., а локализуется вовне, где-то «в России».

Пассивное одобрение русского «национализма»

Однако на этом фоне стоит отметить, что к националистическим идеям и лозунгам русских и от имени русских большинство опрошенных относится благожелательно; такие идеи не признаются национализмом, а, напротив, принимаются и даже получают одобрение. Причем в большей мере это явление, подчеркну, характерно именно для 2000-х годов.

Преимущественно с одобрением воспринимают россияне и организованные действия националистического толка, когда они относятся к русским.

Как видим, за три года пирамида положительных и отрицательных оценок «русских

Таблица 7

КАКОВА, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ОСНОВНАЯ ПРИЧИНА РОСТА РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА В РОССИИ В НАШИ ДНИ? (В ПРОЦ. ОТ ТЕХ, КТО СЧИТАЕТ, ЧТО НАЦИОНАЛИЗМА СТАЛО БОЛЬШЕ) ¹⁰		
	2004 г.	2011 г.
Национальные предрассудки русского населения	3	5
Вызывающие действия, поведение национальных меньшинств	20	44
Плохие условия жизни в России	24	21
Террористические акты последних лет	32	15
Власти не могут справиться со вспышками национализма	8	6
Власти заинтересованы в раздувании национализма	8	4
Затруднились ответить	4	4

N=1600

Таблица 8

КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ИДЕЕ «РОССИЯ — ДЛЯ РУССКИХ»?				
	1998 г.	2004 г.	2008 г.	2013 г.
Поддерживаю, ее давно пора осуществить	13	16	15	23
Ее было бы неплохо осуществить, но в разумных пределах	30	37	42	43
Отрицательно, это настоящий фашизм	30	25	25	19
Меня это не интересует	14	12	12	9
Сумма принимающих и поддерживающих	43	53	57	66
Затруднились ответить	13	10	6	6

N=1600

маршей» перевернулась, и сегодня позитивное отношение к ним заметно преобладает в России. Важно отметить и этот рост и уточнить модальность подобного отношения масс к русскому национализму как идее, которая, повторюсь, не относится респондентами к себе, а сдержанно и пассивно принимается большинством в символическом плане («скорее, да») и в залоге желательности («хорошо бы»). Напротив, применительно к себе и близким преобладают ответы «скорее, нет» и в модальности «наверяд ли».

Относительное ослабление интенсивности чувств, нарастающая пассивность в оценках относятся и к патриотизму россиян, укреплением которого так озабочена в последние годы верховная власть. Если в 2007 году патриотами России называли себя 78 проц. опрошенных россиян, то в 2013-м их 69 процентов. При этом в составе патриотических чувств сегодня у наших соотечественников преобладает декларируемая без конкретных последствий и обязательств «любовь к родине». Этот пункт отмечают свыше 60 проц. «патриотов», при этом такие характеристики, как подчеркивание исключительности своей страны, защита ее от нападков, работа на ее благо и т. п., оказываются куда менее значимыми; их отмечает примерно одна пятая из числа тех, кто называет себя патриотами.

Россия среди соседей и в «большом» мире

Пятьдесят один процент россиян сегодня считают, что существует военная угроза России извне (39 проц. не согласны), 78 проц. — что у сегодняшней России есть враги (с этим не соглашаются 13 процентов). Наиболее враждебными к России респонденты признают Грузию, США, страны Балтии (к этому списку 2013 года сегодня добавилась бы Украина), наиболее близкими — Белоруссию, Казахстан, Китай.

Показательна социально-демографическая стратификация этих оценок. На «врагов» и внешнюю «военную угрозу России» чаще других указывают пожилые россияне, жители средних городов (от 100 до 500 тысяч); средние города вообще представляют собой сегодня переломную точку в настроениях и оценках респондентами своего собственного положения, ситуации в стране, отношения к России со стороны Запада и т. п. Более позитивное отношение к США и «Западу» проявляют самые молодые россияне (до 24-х лет), респонденты с высшим образованием, относительно обеспеченные, жители крупных городов с населением свыше 500 тысяч, но не Москвы.

Здесь, вопреки избитому стереотипу, я бы сказал, что Москва — это как раз «Россия»

в том смысле, что в ней так же разделены социальные верх и низ, центр и периферия, так же сосуществуют разные установки и оценки. Показательно, что полюсом негативного отношения к Грузии выступает именно Москва. Жители столицы опять-таки чаще выражают сегодня негативное отношение к февральским событиям на Украине, на киевском Майдане. Москвичи чаще, чем жители других городов, принимают официальную точку зрения на происходящее, видя в оппозиционных действиях Майдана прежде всего «влияние Запада», происки «националистов». Впрочем, стоит отметить, что отрицательное отношение к «Майдану» и официальные оценки происходящего преобладают на нынешний день и среди россиян в целом. Среди опрошенных в феврале 2014 года по горячим следам событий негативное и позитивное отношение к Майдану соотносилось как 3 к 1. Опять-таки большинство видело в происходящем, в первую очередь, воздействие геополитики Запада (43 проц.), националистические настроения украинцев (30 проц.), притом что чувство гражданского достоинства, стремление сделать Украину такой же цивилизованной страной, как другие страны Европы, отмечались лишь у 12 проц. опрошенных. Добавлю, что даже «возмущение коррумпированным режимом

Януковича» (причину, казалось бы, совершенно внятную россиянам) признает значимой явное меньшинство наших соотечественников, хотя их доля с декабря по февраль все-таки выросла с 9 до 17 процентов.

Некоторые выводы и обобщения

1. С изложенной здесь точки зрения, российский (русский) национализм может рассматриваться как дефект и патология «общего». Формирование представлений об «общем», подчеркну, – важнейшее направление процессов модернизации и центральный пункт программ развития в эпоху становления национальных государств, а затем в позднейший период зрелого модерна, вплоть до середины XX века. Сложившиеся к этому моменту так называемые «развитые» государства и общества различаются тем, какими аспектами общественного существования и ценностями, стоящими за ними, это «общее» представлено, в чем оно состоит, кто его именно так видит и т. д. Это могут быть кровь, почва, территория, религия, а чем дальше, тем в большей мере институциональная структура, правовая система, гражданские свободы, права, обязанности и др. В любом случае параллельно с ценностями, символами, чувствами локального здесь складываются и становятся все более существенными, ведущими

Таблица 9

КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ИДЕЕ ПРОВЕДЕНИЯ «РУССКИХ МАРШЕЙ»?		
	2010 г.	2013 г.
Определенно положительно	8	11
Скорее, положительно	20	29
Скорее, отрицательно	24	19
Определенно отрицательно	12	7
Сумма положительных ответов	28	40
Сумма отрицательных ответов	36	26
Ничего не знаю о них / Затруднились ответить	36	34

N=1600

ценности, значения, символы принципиально иного, всеобщего, «глобального». Без них, представляющих и опосредующих социальное и культурное разнообразие, но вместе с тем обеспечивающих гражданское равенство, невозможна работа современных экономических и политических институтов, суда и правовых систем, культурных организаций.

В постсоветской России (а во многом и в России советской, но от исторических аспектов я сейчас вынужден отвлечься) массивизация запросов, оценок, действий, но главное — формирование представлений о

значительной степени трансформированы принятыми массой принципами уравнилельной справедливости («все как один», «один за всех, все за одного», «всем одинаковое и поровну»), который опирается на социальный механизм заложничества и поруки, а не самостоятельности, соревновательности и сотрудничества. Отсюда постоянное и глубокое в российском социуме массовое ощущение несправедливости как реакция на различия и по вертикали, и по горизонтали: негативный образ людей, находящихся у власти, недоверие к окружающим, ксенофобия в

“Нынешний российский пассивный и диффузный «национализм большинства» в своей основе — державный (тотальный), а не этнический (групповой)”.

массе, большинству, социуме заданы «сверху» централизованной и монополизированной властью, интеллектуальными кругами ее идеологического обеспечения и обслуживания, институтами воспроизводства, которыми они же руководят. Выработка, поддержание, репродукция подобных представлений (идей, ценностей, норм, позитивных и негативных санкций) разворачиваются без необходимой культурной универсализации — формирования представлений о человеке как таковом, «обобщенном Другом». Или, даже вернее, Третьем — не таком же, «своим» по крови или почве, и не иерархически доминирующем носителе власти.

Следствием этого в России на массовом уровне выступает непонимание и неприятие, с одной стороны, разного, не такого, как «я» и «мы», а с другой — равного, который принципиально не хуже и не лучше меня, он — другой, но этим человеку модерна интересен и важен (речь, понятно, о его обобщенном, типизированном образе, в реальности случается и иначе). Оба эти антропологических принципа устранены, перекрыты или в

отношении «приезжих» и вообще «других».

Это значит, что в истоке российского, русского «национализма» — не враждебность других стран и вызывающее поведение «приезжих», а сугубо внутренние причины. К ним относятся, прежде всего, резкое социальное расслоение и неравенство, бездействие и коррумпированность власти (в том числе судебных инстанций и правоохранительных структур), задержка социальной мобильности — иными словами, растущее недовольство преобладающего большинства населения своим положением и действиями (бездействием) собственных властей. В данных рамках и на этом фоне происходит этнизация социальных напряжений в высказываниях и действиях медиа, политических демагогов (Владимир Жириновский да и другие «допущенные» представители «системной оппозиции», поскольку карту национализма разыгрывают теперь, особенно в период выборов, практически они все), маргинальных радикал-националистов и др. И если массмедиа и официальные/официозные политики (а других в общем поле, кажется,

и нет) выступают охранителями нынешнего режима, в российской терминологии, «справа», с традиционалистских, державно-консервативных позиций, то маргинальные ультра-националисты — его оппозиционерами и, по крайней мере, на словах, ниспровергателями «слева», со стороны социализма (национал-социализма).

2. Как всякий раз в России, рекуррентные явления «национализма» и гетерофобии связаны с кризисом «целого» и систем его воспроизводства (институтов образования, структур культуры), которые следуют за предшествовавшими попытками «реформ» или хотя бы каких-то позитивных перемен в жизни «большинства», инициированных опять-таки сверху. В конкретном случае 2010-х речь, видимо, должна идти об относительном улучшении экономического положения россиян к 2007–2008 годам, с одной, массовой, стороны, и с некоторыми надеждами на обновление в связи со сменой президента и «либеральными» сигналами, поданными Дмитрием Медведевым и воспринятыми более образованной частью социума, молодежью крупных городов — с другой. Характерно, что в 2007–2008 годах чувство межнациональной напряженности (как и общей социальной напряженности) несколько спадает и ксенофобные настроения смягчаются. Но самоуверениям масс в давно обещанной стабилизации положил конец мировой финансовый и экономический кризис, а очередным надеждам городских образованных слоев, включая молодежь, — прогремевшее заявление Владимира Путина фактически о приватном кулуарном сговоре, заранее согласованной «рокировке» первых фигур. После 2008 года все индексы (президентской власти, национального благополучия, экономического оптимизма), по данным Левада-Центра, падают. И если в 2007-м в стране, по мнению относительного большинства (38 проц.), преобладали рост

и развитие, то в 2013-м эту позицию отмечают лишь 15 проц., тогда как торможение и застой, соответственно, 21 и 35 процентов. Главными проблемами для населения сегодня стали рост цен, перспективы обнищания, то есть, в конечном счете, обеднение и примитивизация социального существования. И каждый пятый россиянин напрямую связывает подобную ситуацию с поведением нынешних властей.

3. Апелляция путинской власти к сконструированному ею же «большинству» (или, в терминологии Кирилла Рогова, «сверхбольшинству»¹¹) блокирует цели и ценности развития, как, соответственно, и фигуры любых значимых «других» («обобщенных третьих»), которые могли бы составить конкуренцию или хотя бы невыгодный фон нынешним первым лицам. А значит — при неструктурированности публичного пространства и неартикулированности политических интересов, идей и программ вплоть до полного исчезновения политики и отказа большинства граждан от какого бы то ни было политического участия даже в масштабах своего города или района — решающим фактором массовой этнонациональной и государственно-национальной идентификации становятся прокламируемый и навязываемый сверху патриотизм, но в еще большей мере — пассивная и диффузная ксенофобия¹². То есть не принципы разнообразия, активности, конкурентности, достижительности, а нормативные начала «правильности» и резко негативная оценка любых отклонений от нее.

4. Нынешний российский пассивный и диффузный «национализм большинства» в своей основе — державный (тотальный), а не этнический (групповой). Переход от первого ко второму, о чем пишет в данном номере Эмиль Паин (см. с. 34–53), скорее, перспектива, причем, как мне кажется, мало реальная. И вот почему. Национализм или, вернее, национализмы — и антиимперский, и гражд-

данский, и этнический, то есть самосознание, разногласия, полемика, тем более конфликты и борьба (иными словами, «политика», реальное политическое участие, к которому, как уже говорилось, большинство российского населения сегодня совершенно не расположено) нимало не нужны нынешней власти и небезопасны для нее. Главное для правящей сегодня верхушки — по-прежнему сплоченность и стабильность «целого», то есть деполитизированность, апатия и пассивно-вынужденная адаптация населения. Именно от лица этого сконструированного властью и медиа, а потому в значительной мере виртуального целого большинство выносит сегодня оценки различных меньшинств, «приезжих», «понаехавших» и т. п. И, конечно же, меньшинств далеко не только этнических — гетерофобия относится к любым «другим» как чужим и чуждым.

Иными словами, несменяемая и фактически не контролируемая власть двухтысячных и последующих годов пытается в условиях нарастающей социальной и экономической неопределенности, деградации и отсутствия политической жизни, подавления гражданской самостоятельности людей и групп сохранить за собой приоритет в репрезентации общего и интегративного. У националистов же — конечно, не без ограничений и давления со стороны властей — не получается представлять общее и в этом смысле сформировать оппозицию (в нынешнем номере об этом сказано не раз), а получается лишь озвучить ксенофобное недовольство массы, плюс сделать язык национального превосходства, ущемленного самолюбия и агрессивного патриотизма все более допустимым в общем, масскоммуникативном пространстве. Говоря по-другому, мы имеем здесь дело, опять-таки, с процессом массовой адаптации, ровно таким же, как по отношению к «Западу», его достижениям и благам (но не культурным ценностям, политическим принципам и правовым нормам).

5. Нарастание социальной и экономической неопределенности, растерянности населения, снижающийся авторитет верховной власти, значимости самой идеи ее сосредоточения в одних руках, несменяемости, централизованного контроля по «вертикали» ведут к нарастанию мигрантофобии и антизападничества. В этом плане рост «национализма» есть реакция на ослабление власти (в одной из прокламируемых маргиналами возможных перспектив даже подрыв власти — «джинн, выпущенный из бутылки»). Последовательность явлений здесь именно такая: подавление социальной динамики в стране на фоне нарастающей самоизоляции и коррупции власти ведет к усилению компенсаторных и защитных механизмов — поиска врага и виновного, ксенофобии и антизападничества, которые выступают суррогатными символами негативной солидарности. Сейчас (а, впрочем, уже давно) это не общепринятая идеология, не партийная программа и не государственная политика, равно как уже и не реакция на травму распада СССР. Это, прежде всего и в главном — недовольство нарастающей социальной неопределенностью и неэффективностью структур власти, с точки зрения патерналистских установок и уравнилельных представлений большинства населения (уравнилельность и патернализм — вот, мне кажется, настоящие джинны, выпущенные из бутылки нынешней властью). Чем больше эти установки и представления будут поддерживаться и подкрепляться, тем выше будет латентная ксенофобия. А можно предполагать, что сегодняшняя власть будет активно поддерживать государственно-национальную составляющую российского «национализма большинства» и с одобрением принимать его же латентную ксенофобию. Чего не скажешь о программном национализме группировок, движений и партий. Отношение властей здесь в принципе совпадает с общенаселен-

ческим: настроения и даже высказывания — да, действия, тем более организованные и последовательные — нет. Тем самым, власть консервирует, воспроизводит и распространяет традиционное двойное (раздвоенное) коллективное самоопределение и самопонимание россиян в их массе, большинстве: ностальгически-героическое (харизматический план великой державы) и пассивно-либо реактивно-страдательное (стигматический план терпеливой массы).

6. Подводя условный итог, я бы сказал, что национализм как идеология и программа, обычно используемый политиками, журналистами и экспертами преимущественно на правах существительного (будто бы это некий предмет или реальная сила), населением понимается скорее как прилагательное (свойство). Причем значение этого прилагательного все больше рутинизируется, так что его семантическая выделенность, броскость, лозунговый, а соответственно, и мобилизационный потенциал слабеют, если вообще имели когда-то решающее значение и императивную мощь. Показателем этого

смыслового ослабления среди прочего выступает, как я пытался показать, перенос характеристик националистической инициативы на других — ближних, «своих», и дальних, чужаков.

7. Вместе с тем ключевое значение во всех описанных выше процессах имели и имеют официальные, общераспространенные и безальтернативные средства массовой коммуникации (в первую очередь, основные каналы ТВ). Они сами, фигуры политиков и «экспертов», которые продвигаются руководством телеканалов на первый план в качестве «лидеров мнений» (с псевдодемократической прибавкой электронного голосования и т. п.), равно как и стоящие за теми и за другими инстанции и структуры центральной и централизованной власти, придают выражениям этнофобии статус «слова как такового», «просто языка». А это — тем более, при удалении из публичного поля любых других персонализированных мнений и обобщенных инстанций критической рефлексии — означает для массы статус «самой реальности», несомненного и неопровержимого «факта». ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Они сведены и представлены в кн.: *Общественное мнение — 2013*. М.: Левада-Центр, 2013. Помимо них, приводимых далее без уточняющих библиографических сносок, используются некоторые материалы из предыдущих ежегодников и данные последующих опросов Левада-Центра уже в 2014 году.

² *Общественное мнение — 2011*. М.: Левада-Центр, 2011. С. 180. Но при том, что большинство респондентов (несколько больше половины) считают, будто число русских, разделяющих националистические взгляды, в стране растет, само это большинство за 2000-е годы несколько сократилось (с 58 в 2004-м до 52 проц. в 2011-м), тогда как доля меньшинства, сторонников противоположной оценки, напротив, увеличилась, соответственно, с 8 до 14 процентов (Там же). В 2012 году «подсказки» к тому же вопросу были сформулированы

иначе, и результаты выглядели так: положительно воспринимают слово «национализм» 13 проц. опрошенных, отрицательно — 70 процентов. См.: *Общественное мнение — 2012*. М.: Левада-Центр, 2012. С. 178.

³ Ср.: *Дубин Б.* Мифология «особого пути» в общественном мнении современной России // *Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия* / Под ред. Э.А. Паина. М.: Три квадрата, 2010. С. 211–229. Если за нынешними данными — не временная флуктуация, а намечающаяся тенденция, некоторые из положений и выводов этой статьи придется заново продумать, а, возможно, и скорректировать.

⁴ О них в настоящем номере пишет Эмиль Паин, развивая положения своей прежней книги: *Паин Э.* Между империей и нацией: Модернистский проект и его традиционалистская

альтернатива в национальной политике России. М.: Новое издательство, 2004.

⁵ См. о них статью Александра Верховского в настоящем номере на с. 19–33, равно как и предыдущие работы автора и Центра «Сова».

⁶ См.: *Гудков Л., Дубин Б.* Своеобразие русского национализма // Pro et Contra. 2005. № 2 (29). С. 6–24; *Они же.* Представления о модернизации российской элиты // Российская модернизация: Размышляя о самобытности / Под ред. Э.А. Паина и О.Д. Волгогоновой. М.: Три квадрата, 2008.

С. 166–197; *Дубин Б.* Другого национализма, кроме бюрократического, в России никогда не было // После империи / Под общ. ред. И.М. Клямкина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. С. 191–193.

⁷ Общественное мнение – 2012. С. 180.

⁸ Подробнее см.: *Волков Д.* Интервью на пороховой бочке // <http://www.levada.ru/02-12-2013/intervyu-na-porokhovoivoi-bochke>

⁹ В обиходе, тем более массовом, подобные обозначения носят, понятно, сугубо оценочный характер, и порой за ними стоят совершенно фантастические представления. Так, например, три пятых россиян уверены, будто православная церковь объединяет больше христиан, чем католическая, тогда как все обстоит строго наоборот. Не исключаю, кстати, что это преувеличенное мнение

о степени распространенности, а значит – исключительной значимости и авторитетности православия может влиять на готовность многих россиян признать и считать себя православными, но уточню, что в целом среди религиозных общин мира православная – количественно самая малая, многократно уступающая в этом протестантской, буддистской, индуистской, исламской и, наконец, католической (которая в 4–5 раз больше православной). Важную социологическую конкретизацию таких ходовых оценок предложил в свое время Юрий Левада, см. его статью 2004 года «О “большинстве” и “меньшинстве” в кн.: *Левада Ю.* Ищем человека. М.: Новое издательство, 2006. С. 350–363, а также: *Дубин Б.* О большинстве и меньшинстве // Индекс: Досье на цензуру. 2011. № 31. С. 65–68. Заново эта исследовательская и социальная проблема встала в связи с гражданскими волнениями 2011–2012 годов в крупнейших городах России.

¹⁰ Общественное мнение – 2011. М.: Левада-Центр, 2011. С. 180. Напомню, что в росте национализма были убеждены тогда 52 проц. опрошенных.

¹¹ См.: *Рогов К.* Сверхбольшинство для сверхпрезидентства // Pro et Contra. 2013. Т. 17. № 3/4.

¹² См.: *Мукомель В.* Ксенофобия как основа солидарности // Вестник общественного мнения. 2013. № 3/4. С. 63–69.